
УДК 338.2(470+571)

ББК 65.290.33(2Рос)

Ч 49

С.А. Чернявская

Кандидат экономических наук, докторант кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (918) 467 76 26.

Дифференциация и интеграция в хозяйственном пространстве современной России

(Рецензирована)

Аннотация. Процессы дифференциации и интеграции, протекающие в хозяйственном пространстве современной России, обусловлены саморазвитием рыночных отношений, формированием и реализацией социально-экономической политики. Многообразие форм дифференциации и интеграции соответствует масштабам хозяйственного пространства России, ресурсному потенциалу различных территориальных образований внутри данного пространства, а также институциональным отношениям между указанными территориями.

Ключевые слова: хозяйственное пространство; региональное развитие; процессы дифференциации; экономическая интеграция; синергетический эффект.

S.A. Chernyavskaya

Candidate of Economics, Doctoral Candidate of Economy and Management Department, Adyge State University, Maikop. Ph.: (918) 467 76 26.

Differentiation and integration in economic space of modern Russia

Abstract. The differentiation and integration processes, proceeding in economic space of modern Russia, are caused by self-development of the market relations and by formation and realization of social and economic policy. The variety of forms of differentiation and integration corresponds to scales of economic space of Russia, resource potential of various territorial entities within this space, as well as to the institutional relations between the specified territories.

Keywords: economic space; regional development; differentiation processes; economic integration; synergetic effect.

Хозяйственное пространство современной России является востребованным объектом научного исследования в экономической литературе. Оно выступает ключевым аспектом теории региональной экономики, представлено совокупностью трактовок, отражающих многообразие научных школ и подходов. Для него свойственны взаимосвязанные процессы дифференциации и интеграции экономических отношений.

Процессы дифференциации хозяйственного пространства России активно исследуются с 90-х годов прошлого века, поскольку период проводимых тогда реформ характеризовался ростом

неравенства российских регионов. Вызвано это несколькими причинами: во-первых, регионы с разной структурой экономики неодинаково адаптировались к рынку; во-вторых, уменьшилась степень воздействия государства на региональное развитие (финансовая поддержка, субсидии и т.д.).

Интересны подходы различных авторов к исследованию этого явления. Институциональный подход к объяснению процессов дифференциации уровня регионального развития был предложен В. Поповым [1]. Он считает, что глубина экономического спада и наступление социально-экономического развития связаны с наличием

или отсутствием институтов, способных оказать поддержку в проведении экономических реформ. В результате одним из направлений исследования экономического роста в России стало исследование отраслевой структуры экономики, а также определение значимых институтов для проведения реформ.

Р. Аренд предложил исследовать уровень дифференциации развития российских регионов на основании анализа особенностей их экономики [2]. Он подчеркивал важность объективных экономических показателей (начальный уровень производства, человеческий потенциал, институциональные факторы) и их влияние на экономическое развитие. На основании полученных результатов автор сделал вывод о том, что человеческий и ресурсный потенциалы имеют значительное влияние на уровень экономического развития российских регионов.

Диспропорции в распределении экономического потенциала по регионам России проявляются и в том, что отдельные регионы оказались как бы в привилегированном положении: их территории располагают значительными сырьевыми ресурсами, соответственно бюджеты имеют более устойчивую доходную базу. Другие регионы оказались в бедственном положении из-за небогатых ресурсов и резкого спада промышленного производства. В условиях институциональных преобразований социально-экономическое положение отдельных регионов оказалось под влиянием множества факторов, которые способствовали росту региональной дифференциации.

Одной из характерных черт российского экономического пространства являются его исключительная неоднородность и неравномерность развития, во многом обусловленная природными различиями, географической эволюцией российского государства, этапностью хозяйственного освоения современной территории страны и др.

Одновременно с усилением дифференциации регионов наблюдается и противоположный процесс — интегра-

ция, которая соединяет между собой, комбинирует и переплетает ранее обособленные друг от друга хозяйственные образования. В итоге действия последней формируется качественно новое расширенное хозяйственное пространство взаимодействия и развития.

Интересна научная позиция А. Керашева, который выделяет в современной экономической литературе два различных методологических подхода к исследованию процесса экономической интеграции [3]. В узком смысле слова под экономической интеграцией понимают процесс переплетения национальных хозяйств, предполагая при этом проведение участниками интеграции согласованной межгосударственной экономической политики.

В зарубежной экономической литературе к субъектам экономической интеграции относят как государства, так и частные фирмы. Исходным принципом такой интеграции выступает получение ее участниками сравнительной выгоды, то есть экономии национальных издержек. Содержание другой, более расширенной трактовки, можно определить как объективный процесс последовательного сближения, функционального переплетения и структурного сращивания в системную целостность прежде обособленных хозяйствующих субъектов.

Если в первой трактовке интеграции речь идет о процессе, который организуется и направляется отдельными суверенными государствами, то вторая трактовка интеграции, напротив, принадлежит эпохе глобализации экономических отношений и имеет в своем основании соответствующие научные ресурсы современной эволюционной экономической теории. Прежде всего, она представляет собой закономерный продукт процесса расширения пространства экономического взаимодействия. Широкий подход к экономической интеграции адекватен глобальному процессу комбинирования, переплетения и сращивания двух различных феноменов:

— во-первых, форм интернационализации хозяйственных связей в про-

странстве межгосударственного взаимодействия;

— во-вторых, форм обобществления хозяйственных отношений, сложившихся во внутренней структуре национальных экономик.

Отметим, что сам процесс расширения пространства экономического взаимодействия в России происходит разными путями. В отличие от простого административного объединения ранее отдельных структур, которое осуществляется командным способом и зачастую не приносит экономических выгод, корпоративное сотрудничество участников рынка, вызванное потребностями интенсификации деятельности с обеих сторон, предполагает получение синергического эффекта.

К. Менар справедливо отмечает, что, в отличие от рынков, интегрированная организация, или иерархия, может быть определена как сознательное соглашение, совместно достигаемое субъектами в целях последовательной координации своих действий на постоянной основе. Такое соглашение ориентировано на достижение специфических целей и основано на частичной, выборочной комбинации команд и кооперации [4].

Главный отличительный признак интеграции — появление особого синергического эффекта: эффекта взаимодействия двух или более факторов, характеризующегося тем, что их совместное действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы. Синергический эффект в экономике есть результат кооперативного действия элементов экономической системы, приводящий к изменению качественного состояния экономики и траектории ее развития, а равно к удержанию экономики на устойчивой траектории развития, несмотря на экзогенные шоки и эндогенные флуктуации.

Под воздействием сил рыночного характера естественным образом объединяются в составе той или иной подсистемы экономические субъекты, тяготеющие друг к другу. Причины такого тяготения разнообразны и интер-

претируются многими аналитиками. А. Керашев приходит к выводу о том, что в основе интеграционного взаимодействия лежат следующие силы, объективно действующие в хозяйственном пространстве:

— стремление экономических субъектов снизить собственные издержки за счет соединения и комбинирования своих ресурсов и факторов производства;

— консолидация участников инвестиционного процесса;

— институциональное притяжение, в основе которого — близость норм, форм контрактов и способов поведения и др. [3].

В процессе развития рыночных отношений формируются устойчивые, системные по своей природе локализации. В современной экономике имеет место общая институциональная реорганизация хозяйственного пространства; «безликая контрактация», как прежняя доминирующая характеристика рыночных трансакций, вытесняется качественно иным, специфицированным, взаимодействием экономических субъектов, в котором определяющая роль принадлежит следующим факторам:

— парному соответствию друг другу обеих сторон, когда субъекты рынка, образно говоря, «притираются» друг к другу;

— устойчивости транзакционных связей, осуществляемых на долгосрочной основе; доверие и стратегический выигрыш от такого сотрудничества ценятся выше, чем временные тактические преимущества, связанные со сменой партнеров по сделкам;

— комбинированию и переплетению связей между субъектами рынка, то есть их интеграционному взаимодействию, в котором закладываются основы устойчивого системного качества формирующихся экономических отношений.

В хозяйственном пространстве современной России региональные функциональные подсистемы складываются при активном участии соответствующих звеньев мощной вертикали экономической власти государства. Это впол-

не закономерно, поскольку экономика России традиционно развивается под мощным воздействием государства. Приведем соответствующие аргументы.

В современной экономической литературе развивается перспективная концепция «экономики пространства» и «экономики времени», в основании которой — идеи Ф. Броделя, предпринявшего оригинальную попытку систематизации некоторых результатов хозяйственной истории с помощью координатной сетки «пространство — время» [5].

Исторически сложилось так, что для одних экономических систем аргументом (независимой переменной) в системе координат выступает время, а для других — пространство. Каждый из аргументов порождает свою функцию или тип экономической организации производства: если значения аргумента представлены временным интервалом, то объективно формируется «экономика времени», а если они представлены пространственными мерами, то объективно возникает «экономика пространства».

Оба типа измеряются скоростью движения по ступеням прогресса. При всей условности различения этих двух экономик — пространственной и временной — такое различие образует необходимую методологическую базу сопоставительного исследования специфики механизма функционирования и развития экономических систем разных стран.

«Экономика времени» — это система, ориентированная на использование преимущественно динамических факторов: рост результативности созидательных усилий, интенсификация движения ресурсных, товарных и финансовых потоков осуществляются за счет ускорения хозяйственного процесса. «Экономика пространства» — это система, ориентированная на использование преимущественно количественных факторов. В этом случае рост результативности созидательных усилий осуществляется прежде всего за счет наращивания объемов ресурсных, товарных и финансовых потоков, т.е. за

счет ускорения прежде всего пространственного сомножителя.

Поскольку пространственная организация российской общественно-хозяйственной системы и межрегиональное взаимодействие в ней имеют особое значение, мы определяем экономику России как «экономику пространства», в отличие от «экономики времени», свойственной Западу. Тип развития в рамках «экономики времени» обуславливает акцент на эффективное использование фактора времени и достижение масштабной экономии общественного времени на создание, распределение, обращение и потребление благ. Правомерен вывод о том, что страны Западной Европы ориентируются именно на фактор времени, динамичную цивилизацию и экономию общественного времени.

Россия, исторически расположенная на огромных просторах, сформировала свою общественно-хозяйственную систему по совершенно иному типу. Ее система ориентирована на освоение ресурсов, имеющихся в огромном пространстве. Богатство в «экономике пространства» — это, соответственно, само пространство. Отсюда все вытекающие следствия, такие, как экстенсивный путь развития и существование страны как «империи для себя». Естественными ограничениями в развитии такой системы выступают невысокая плотность населения; наличие разнообразных экстремальных условий проживания людей; высокие издержки транзакций и социальных коммуникаций. Указанные возможности и ограничения сформировали в стране типичную «экономику пространства», развитие которой опирается на фактор хозяйственного пространства, который представлен не только размерами территории и обеспеченностью ее природными ресурсами, но и способом организации хозяйственного пространства; одним из вариантов эффективной внутренней организации территории региона выступает формирование функциональных подсистем.

В «экономике пространства» государство вынуждено брать на себя социальную ответственность за орга-

низацию хозяйственного процесса в условиях скудости населения и наличия огромных и неосвоенных территорий. Там, где силы взаимодействия по хозяйственной горизонтали слабы и недостаточны для обеспечения устойчивого развития, акцент переносится на потенциал властного воздействия.

Отсюда — опора на вертикаль экономической власти, широкое использование «административного ресурса» в целях управления «экономикой пространства». Это относится и к формированию функциональных подсистем во внутренней среде регионов-субъектов РФ. В последнем случае территориальное звено вертикали экономической власти государства заинтересовано в формировании таких функциональных подсистем, которые отвечают потребностям государственного администрирования, а не потребностям развития локальных рынков. Отсюда — доминирование административной формы всех отечественных территориальных преобразований над их социально-экономическим содержанием (административной формы федерального округа над экономической системой макрорегиона, аналогичной формы региона-субъекта — над экономической системой основного звена пространственной организации хозяйства России и др.).

Вместе с тем, одного лишь «административного ресурса» явно недостаточно для создания прочных и результативных структурных образований на мезоуровне организации хозяйственных отношений; представляется, что каждое из них должно быть востребовано эволюционным процессом, протекающим на данном уровне.

Именно избыточность «административного ресурса» привела к тому, что региональная поляризация разделила страну на две антагонистические части: хозяйственное пространство избыточных доходов и хозяйственное пространство недостаточных доходов, что само по себе создает масштабные угрозы дальнейшему развитию территорий. В 2010 г. больше 80% всей добавленной стоимости России произведено в

12 из 83 регионов-субъектов, при этом 70% совокупного ВРП России приходится на 4 региона.

Необходимо учитывать давление со стороны ТНК и международных экономических организаций, в основе которого лежит потребность безграничного расширения хозяйственного пространства функционирования и развития глобального капитала. Субъекты глобального капитала считают собственными те элементы ресурсной базы, функционирующего капитала и инфраструктуры национальной экономики любой страны, которые востребованы развитием их производственного процесса.

В современной экономической литературе приводится положение о смене субъекта, ведущего сам процесс экономической интеграции: место суверенного государства во главе данного процесса занимает глобальный капитал, представленный ТНК, надгосударственными интеграционными образованиями и современными мировыми экономическими организациями. Представляется, что указанная смена является причиной основного противоречия современного интеграционного процесса.

С одной стороны, в складывающейся системе глобального капитала складываются признаки нового качества социально-экономических отношений:

- неограниченность и одновременно уникальность ресурсов «нового знания», создание и практическое освоение которых обеспечивает основу господства глобального капитала;

- общедоступность, открытость, гибкость новых сетевых отношений, которые создаются глобальным капиталом, включают миллиарды людей из всех стран и обеспечивают их общение, обмен продуктами и услугами, потребление и развитие в процессе сетевой деятельности;

- демократичный и предполагающий установление разносторонних отношений между структурами, выполняющими различные функции, характер возникающих глобальных организаций.

С другой стороны, указанные выше признаки нового качества социально-

экономических отношений вступают в противоречие с природой и миссией глобального капитала, обуславливающими его базовые функциональные характеристики:

— проникающий во все сферы жизнедеятельности общества рынок, являющийся формой подчинения человека императивам процесса воспроизводства глобального капитала. Это уже не либерально организованный рынок свободно конкурирующих частных производителей, а тотальный рынок — пространство господства гигантских сетей, центрами которых являются ТНК. Призывы к либерализации рыночных отношений становятся в данной ситуации средством проникновения ТНК во все сегменты рыночного пространства;

— всесторонняя эксплуатация сетевыми структурами ТНК людей, подключённых к этим структурам как в качестве работников, так и в качестве потребителей, поскольку под контролем ТНК оказываются практически все аспекты жизнедеятельности человека;

— господство глобального капитала обеспечивается анонимным образом, то есть посредством контроля над оборотом виртуального финансового капитала, происходящим в компьютерных сетях. В результате над реальным сектором экономики возводится многоэтажная надстройка фиктивного капитала, ориентированная на самовозрастание, а вовсе не на развитие производственных сил; это первый существенный момент дезинтеграции, который несет с собой процесс глобальной интеграции общественно-хозяйственной жизни;

— ключевые ресурсы развития монополизированы: высокие технологии, человеческий капитал, новые знания жестко контролируются ТНК и отчуждаются от периферийных участков глобального хозяйственного пространства; поэтому процесс развития мирового

хозяйства специфическим образом регионализируется: в нём структурируются отличающиеся по достигнутому уровню и возможностям дальнейшего развития «первый мир», «второй мир», «третий мир» и т.п.; это второй момент дезинтеграции, который несет с собой процесс глобальной интеграции;

— субъекты, функционирующие в глобальном хозяйственном пространстве, находятся под сильнейшим информационным и культурным давлением, вовлекаются в процессы политического и идеологического манипулирования, далеко ушедшие от идеологических схем и манипуляций, присущих административно-командной системе хозяйствования. Тем самым данные субъекты отчуждаются от целеполагания, стратегического управления и нормального эволюционного развития вообще; это третий момент дезинтеграции, который несет с собой процесс глобальной интеграции.

Экономическое и социальное пространство страны в настоящий момент сегментировано на резко различающиеся по уровню экономического и социального развития регионы с изолированными рынками. Недостатки региональной политики, все еще сохраняющийся разрыв межрегиональных хозяйственных связей привели к существующему углублению диспропорций в положении регионов, дезинтеграции их в общероссийском пространстве. Инвестиционный потенциал «стягивается» в считанное число регионов, при этом для большинства из них ведущими факторами формирования инвестиционного потенциала остаются природные ресурсы, местоположение и инфраструктура. Для выхода из данной ситуации востребованы глубокие институциональные преобразования, в том числе — формирование функциональных подсистем во внутренней среде регионов.

Примечания:

1. Попов В. Динамика производства при переходе к рынку: влияние объективных условий и экономической политики // Вопросы экономики. 1998. №7. С. 42-64.
2. Ahrend R. Speed of Reform, Initial Conditions, Political Orientation or What? Explaining Russian Regions Economic // RESEP Working Papers. 2009.
3. Керашев А.А. Функциональное содержание и принципы управления макрорегиональным хозяйственным комплексом как интеграционным образованием. Ростов н/Дону: СКНЦ ВШ, 2005. С. 28-30.

4. Менар К. Теория организаций: разнообразие соглашений в развитой рыночной экономике // Институциональная экономика / под ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 202.

5. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. М.: Прогресс, 1992.

References:

1. Popov V. The dynamics of production during transition to the market: influence of objective conditions and economic policy // Questions of Economy. 1998. No. 7. P. 42-64.

2. Ahrend R. Speed of Reform, Initial Conditions, Political Orientation or What? Explaining Russian Regions Economic. RECEP Working Papers, 2009.

3. Kerashev A.A. Functional contents and principles of management of a macroregional economic complex as an integration unit. Rostov-on-Don: SKNTs VSh Publishing House, 2005. P. 28-30.

4. Menar K. The theory of the organizations: a variety of agreements in the developed market economy // Institutional Economy / Ed. A.Oleynik. М.: INFRA-M, 2005. P. 202.

5. Brodel F. World time. A material civilization, economy and capitalism of the 15th- 18th centuries. М.: Progress, 1992.